

Сундучок

КОНСТАНТИН ЧЕКМАРЁВ
Инженер

Родился в городе Свободный Амурской области Хабаровского края в 1943 году. С 1962 года работал в НИИ «ВЕКТОР» и ЛНПО «ПОЗИТРОН». Прошёл трудовой путь от монтажника радиоаппаратуры до главного конструктора. Без отрыва от производства в 1972 году закончил ЛЭТИ. Руководил разработками и непосредственно разрабатывал малогабаритные и миниатюрные электронные изделия с широким применением как серийных, так и специализированных гибридных и полупроводниковых микросхем и микроэлементов ЭРЭ. Увлекается подводным плаванием, горными лыжами (судья по спорту), водным туризмом. Имеет права судоводителя-любителя и яхтенного рулевого. Самостоятельно спроектировал и построил крейсерскую яхту. Осуществил походы по водным путям Северо-Запада: Ладога — Онега — до реки Вытегра.

РУССКАЯ ВАЛЮТА

3. Случай с бабушкой Стюрей

Бабушку моего школьного друга Олега звали Анастасия Степановна. Несмотря на её весьма преклонные годы, это была бодрая, активная и дружелюбная женщина. Лет ей было немало уже тогда, когда я с ней познакомился. Мой друг был окружён её заботой и вниманием с самых малых лет. Мама Олега (бабушкина дочь) — Зоя Ивановна, ровесница революции, была из той когорты комсомолок-активисток первых пятилеток, которые всю свою личную жизнь пожертвовали на алтарь служения своей социалистической родине. Заботу о воспитании сына она передоверила бабушке Анастасии — Стюречке, как ласково в этой семье они все её называли, и своей младшей сестре Ксении (Кеночке или Кенке — варианты имени в зависимости от обстоятельств). Видя, как занята своей трудовой и общественной карьерой мама Зоя, они, как могли, прилагали титанические по самоотверженности усилия для возвращения их общего наследника. Одно время у него была даже гувернантка, воспитанница Смольного института благородных девиц. Надо сказать, усилия эти не пропали даром. Внук, племянник и сын получился довольно удачным. Он вполне приемлемо учился и занимался спортом (хоккей, а потом плавание), имел хорошо сформированный художественный вкус и умелые руки. К тому же он был весьма симпатичным ребёнком и привлекал внимание девочек своими деликатными манерами и обхождением. Все три родственницы законно гордились им и всячески ублажали, но без баловства. Недостаток мужского воспитания Олег компенсировал дружбой с ребятами. Вот так я и оказал-

ся среди его друзей и остался по сей день. Нашу компанию объединяло общее увлечение зарождавшимся в те годы совершенно новым для страны подводным спортом. Об этой значительной части моей жизни и биографии я напишу подробнее в своё время. Тема эта заслуживает отдельного и более детального повествования. А сейчас только маленький эпизод, напрямую касающийся заявленной вначале темы спирта.

Каждый из друзей старался внести в наше общее занятие посильный вклад. Олег, пожелавший как можно скорее вырваться из-под опеки женщин и обрести самостоятельность, раньше всех начал трудовую биографию. Естественно, что его, ещё недостаточно взрослого, устроила работать на фабрику «Красное Знамя» мама — Зоя Ивановна, занимавшая солидное место в фабричной иерархии. Олег стал учеником слесаря, а затем помощником мастера в чулочно-коттонном цеху. Слесарная практика пошла ему на пользу. У него обнаружился не только недюжинный талант работать руками, но и способности самостоятельного конструктора различных устройств и изделий для наших подводных занятий. К сожалению, не всё из задуманного можно было изготовить самостоятельно. Приходилось прибегать к помощи других специалистов: сварщиков, токарей, фрезеровщиков и других. На сотрудничество они шли охотно, но при одном условии — оплата «жидкой валютой». Денег за свою работу они не брали принципиально. Для этих целей могла сойти и магазинная водка. Стоила она по тем временам сравнительно недорого — 2 рублей 87 копеек, но лишних денег на её покупку у нашей компании ещё не водилось. Необходимо было добывать «всеобщий эквивалент». Олег проявил свои способности и на этот раз. Я уже говорил о том, что наш друг обладал незаурядным обаянием. Девушки самых высоких кондиций роились вокруг него, как пчёлы возле улья. Одна из таких «пчёл» — медсестра по профессии — раздобыла в качестве предварительного залога будущих серьёзных отношений сказочное по тем временам богатство — литр чистейшего медицинского спирта. Бутыль с этим драгоценным содержимым Олег спрятал дома, в серванте, до поры до времени. И вот однажды, спустя день или три, произошло собственно то событие, которое и позволило включить этот рассказ в мой цикл, посвящённый теме спирта и всему, что с ним связано.

Бабушка Стюра

Итак, приходит Олег домой с работы. Его, как обычно, встречает Стюря.

— Алинька! Как ты сегодня рано пришёл! Наверное, устал и голодный? Сейчас я тебя накормлю!

И устремляется на кухню. Олег сразу почувствовал неладное. Уж больно суетливыми были движения бабушки по кухне. Обычно она двигалась

плавно и степенно. И в разговоре ощущалась сбивчивость и невнятность. Наскоро приготовив всё для обеда любимого внука, бабушка позвала его в свою комнату. А там она была не одна. В гостях у бабушки оказалась женщина не менее древнего возраста, чем сама Анастасия Степановна.

— Вот, это мой внук Алинька — Зоин сын, — представила она Олега.

Незнакомая пожилая женщина расплылась в широкой улыбке. Её старое, покрытое многочисленными морщинами и морщинками лицо было необычного для возраста ярко-розового цвета. Щёчки у любимой бабушки были тоже ощутимо розовыми.

На маленьком столике перед гостьей стояли тарелочки с немудрёной закуской и две рюмочки. А в центре располагалась литровая химическая бутылка с нашей драгоценной валютой.

В воздухе повисла тяжёлая пауза.

Видя безмолвную, но красноречивую реакцию внука, бабушка Стюра поспешила разъяснить и разрядить обстановку.

— Алинька, — обратилась она к внуку ласковым, насколько это было возможно, голосом, — Алинька! — в её голосе слышались заискивающие нотки, — ко мне подруга пришла. Мы очень давно не виделись. Я тут в серванте водку нашла. Так мы немножко выпили с подругой за встречу. Ты уж извини нас, старых. Мы, и правда, немножко...

«Водку!!!» — содрогнулся внутренне Олег. Спирт — медицинский ректификат 96% — чисто визуально, убавился в бутылки почти на четверть! Однако! У этих старушек весьма своеобразное представление о «немножко». Но и выглядели они на удивление бодрыми, без каких бы то ни было серьёзных отклонений. Вот что значит крепость организма, заложенная ещё до революции. Мы, родившиеся в войну и сразу после неё, от такой дозы уже, наверное, пустились бы во все тяжкие. А эти бабульки — «божьи одуванчики» — спокойно приговорили поллитра (в пересчёте на водку) и хоть бы что! Сидят тихо, мирно беседуют, вспоминая минувшие годы. Шутят, смеются и совершенно не производят впечатления пьяных. Да! Великое дело — природное наследственное здоровье!

Не знаю, как прошла жизнь у этой Стюриной подруги, но бабушка Анастасия ещё до войны была замужем за дедом Олега, бывшим в те годы финансистом на известной и по сей день винодельческой фирме «Абрау-Дюрсо». Она частенько навещала мужа на службе и имела возможность дегустировать там много различных вин и других напитков, составлявших предмет гордости фирмы. Надо полагать, именно тогда она и получила необходимую в таком деле тренировку в безопасном и безвредном для организма возлиянии. Эта встреча, как и многие ещё семейные застолья, в которых бабушка непременно принимала участие на правах старшей в семье, не имела для неё каких-либо негативных последствий. И прожила она немного-немало — семьдесят семь лет, а скончалась отнюдь не от избытка принятого за жизнь алкоголя. Просто она, эта жизнь, была у неё, как и у многих из наших бабушек, нелёгкой. Особенно в советское время. Революция, Гражданская война, годы репрессий (в которых пропал её муж и дедушка Олега), потом Отечественная война и послевоенная

разруха не прошли даром. Но бабушки были крепки своим дореволюционным здоровьем, полученным в молодости при «проклятом царизме». Наш друг, к сожалению, этот её опыт и эти задатки здоровья с генами не перенял.

Когда товарищ рассказал нам эту примечательную историю, мы бесконечно удивились и совсем другими глазами смотрели потом на Анастасию Степановну, бывая в гостях у Олега. С восхищением, что ли!

А оставшийся спирт пошёл на наше общее дело. Он был реализован в деталях устройства для подводной фото- и киносъёмки, подводном ружье-пистолете, форме для отливки из свинца водолазных грузов и прочих не менее важных и нужных вещах. Нам и его оказалось вполне достаточно. Расценки на услуги были существенно снижены ввиду необычайной чистоты и крепости обменного продукта. Наши исполнители, которые за свою жизнь пили чёрт знает что, умели на вкус определять качественный продукт и по достоинству ценить его.

4. Самолётный спирт-коктейль в учебном комбинате

В самом конце пятидесятых — начале шестидесятых годов Министерство просвещения СССР под давлением правительства и других министерств решило радикально реорганизовать учебный процесс во всех советских школах. Генеральным направлением был выбран курс на всеобщее политехническое обучение. Заводам и фабрикам нужны были в большом количестве молодые и обученные рабочие кадры. Уж слишком многие желали получить высшее образование. Конкурсы в вузы страны достигли небывалых высот. Партию, то бишь КПСС, пугало такое явное нежелание сразу после школы вступать в ряды самого передового в мире рабочего класса. Надо было заставить молодёжь пополнить опору режима новыми силами. Заставлять и принуждать у нас умели прекрасно. Опыт предыдущей истории страны — тому подтверждение. Так поступили и на этот раз. Во всех школах было введено одиннадцатилетнее обучение с обязательным освоением школьниками старших классов рабочих профессий. Это касалось как мальчиков, так и девочек, — различия тут не делалось. А уж склонность к гуманитарным дисциплинам не принималась во внимание вообще. Каждая школа была прикреплена к ближайшему заводу или фабрике. На базе учебных структур этих предприятий проводилась подготовка будущего молодого пополнения рабочего класса. Там, где таких структур не существовало, наскоро создавались школьные учебно-производственные комбинаты.

Этот процесс во многом повторял существовавшую ещё с довоенных времён систему РУ-ПТУ. Но она к тому времени себя уже почти изжила и дискредитировала. Только самые безнадежные школьные двоечники вливались в ряды ПТУшников. Но их количество было не таким большим, как требовалось. «Ремеслухой» школьные учителя пугали нерадивых учащихся: «Вот будешь так наплевательски относиться к учёбе, плохо себя вести на уроках — тебе прямая дорога в ПТУ!!!»

Короче — потребности государства требовали решительных мер. Никаких всенародных обсуждений школьной реформы и не подразумевалось. Что тут обсуждать? Партия, её Политбюро, а стало быть, и Родина решили — так и будет! Народ отучили роптать ещё в довоенные достопамятные тридцатые годы.

Эта радикальная реформа, естественно, не вызвала восторга ни у школьников, ни у их родителей. Всенародное обсуждение, конечно, велось, но, как это было тогда принято, на кухнях при закрытых дверях и без посторонних. Многие, если не большинство, старшие школьники видели себя в будущем инженерами, учёными, но отнюдь не рабочими. Эту же перспективу для своих чад лелеяли и их родители. Причём не только «гнилые интеллигенты», они-то понятно, но и рабочие. Эти-то точно знали цену рабочему хлебу и желали своим детям лучшей доли. Но выбирать не приходилось.

Хорошо, если шефом школы оказывался крупный, более или менее оснащённый современным оборудованием завод. Обычно это были предприятия оборонной направленности, так называемые «почтовые ящики». Там действительно можно было получить и хорошую подготовку, и впоследствии приличную работу. А если поблизости ничего стоящего, кроме захудалой фабрички с допотопным оснащением, выпускающей никому уже не нужную, давно устаревшую продукцию, не находилось? Просматривалась довольно мрачная перспектива, отучившись лишний год на рабочую специальность, сразу после получения аттестата «загнать» на три (а то и больше) года в армию. Да после такого перерыва, вернувшись домой с головой, забитой всяким мусором вроде армейских уставов, пытаться поступить в вуз, пройдя «реанимацию» на подготовительных курсах? Немногим этот подвиг удавался. Служба в армии надолго отбивала у молодёжи интерес к продолжению учёбы. А вот навыки слесаря или токаря можно было восстановить без особого труда даже после армейских тягот и лишений. А дальше обзаведение семьёй, дети и прочие жизненные проблемы. Тут уже не до учёбы, и человек остаётся рабочим до конца жизни. Прощай мечты о высшем образовании. Это, собственно, и требовалось Родине в лице Политбюро нашей партии.

Вот под эту-то административную метлу я и подвернулся. В определённой степени мне и моим одноклассникам повезло. Наша 62-я школа Приморского района, где я тогда должен был учиться в девятом классе по вышеозначенной программе реформирования обучения, была прикреплена к расположенному поблизости крупному оборонному заводу. «Северный завод» — он тогда обозначался как п/я 493 — располагался около железнодорожной станции Новая Деревня. Его огромная территория включала в себя пустынное тогда и огороженное колючим забором большое лётное поле, именовавшееся Комендантским аэродромом. Оно и понятно, завод был авиационным. До войны, а потом и после — готовая продукция покидала территорию завода с этого аэродрома своим ходом. К тому времени, которое я описываю, завод был уже перепрофилирован, и готовые «изделия» вывозили по имевшейся железнодорожной ветке в больших товарных

вагонах. «Изделия» были самыми востребованными в обстановке «холодной войны», и крупносерийный выпуск их имел очень важное значение для обороны страны. И мы, школьники, а в дальнейшем, после обучения, — квалифицированные рабочие, и должны были помочь решать задачу увеличения серийности оборонных «изделий».

«Эта важная народно-хозяйственная и оборонная задача ляжет на ваши молодые плечи!» — так или примерно так выражался в своей пафосной вступительной речи заместитель директора завода, начальник отдела подготовки кадров ОПК товарищ Белорусцев Сергей Александрович, когда выступал перед нами, собранными в актовом зале по случаю начала учебного года.

«Партия и правительство доверяет вам, молодым, ковать надёжный щит мирного неба над нашей необъятной Родиной! Цените это доверие. Хорошо учитесь и постигайте глубже тонкости нашей рабочей науки», — и далее в том же духе.

Я слушал и думал: а что говорят такие же начальники в других актовом залах страны? К примеру, в таком городе, где единственным предприятием является фабрика по производству керамической сантехники? Отец как раз недавно посещал такой городок — КРАСНОФАРФОРНЫЙ — с шефским концертом. Вернувшись, он рассказывал, как необычно решило местное руководство вопрос укрепления береговой линии в черте городка. Расположенный на возвышенном береговом холме, издали он был будто окантован белым валом, а вблизи вал оказался состоящим из бракованных и разбитых унитазов, писсуаров и умывальных раковин. И даже Волхов был не в состоянии в весеннее половодье разрушить это экзотическое и гигантское защитное сооружение. Но выйти на берег, не повредив обувь, оказывалось невозможно. О ходьбе босиком не только по берегу, но и по улицам и дворам речи вообще не шло. Повсюду торчали коварные острые белые осколки... Интересно, как и какими словами мобилизует на хорошую учёбу старшеклассников своего городка директор унитапно-писсуарного завода?

А товарищ Белорусцев тем временем закончил призывать и начал страшать. Он говорил нам о технике безопасности при посещении территории и цехов завода, о рабочих специальностях, которые нам предстоит освоить, прежде чем мы определимся с выбором конкретной профессии. И в конце, доверительно понизив голос, посуровевшими глазами оглядывая зал, поведал нам, как я понял, самое главное: «Завод наш оборонный, а потому — секретный». Слово «секретный» он произнес каким-то зловещим шёпотом. От этого по спине поползли мурашки. «Это значит, — пояснил замдиректора, — что далеко не каждому и не всякому Родина может доверить ковать щит своего неба. Это надо ещё заслужить. Надо, во-первых, хорошо учиться, а во-вторых, пройти соответствующую проверку на „допуск“».

Как я понял значительно позднее, это «во-вторых» было гораздо важнее всего прочего.

После торжественного собрания для нас состоялась небольшая экскурсия в цеха завода. Четырёхэтажное новое здание учебного центра ОПК

вплотную примыкало к высокому, украшенному поверху колючей проволокой, глухому забору завода. Через небольшую дверь в заборе, охраняемую часовым с винтовкой, нас, предварительно пересчитав, провели на запретную территорию предприятия.

Экскурсию вел пожилой мастер производственного обучения, представившийся нам Зуевым Павлом Алексеевичем. Впоследствии мы называли его сокращенно — Палсеич. Он был, как говорится, «простой рабочий человек» и не возражал против такой фамильярности. По тому, как он говорил, сразу можно было понять, что его университетом и был вот этот самый завод. На всю жизнь запомнились нам его характерные словечки и технические термины: «скоростя», «поверхностя», «плоскостя», «лямень» (алюминиевый сплав), «шпендэль» (главная деталь станка) и многие другие. Он работал на этом заводе с довоенных времен и знал производство, как свой родной дом.

И его, похоже, знали все. Каждый встреченный нами работник уважительно здоровался с мастером. Рабочие с удивлением и любопытством разглядывали нашу пёструю группу. «Вот привёл вашу будущую смену», — пояснял любопытным наш сопровождающий. В глазах встречных читалась недоверчивая усмешка: «Ну-ну, посмотрим, что это за смена, небось, разбегутся после школы кто куда, только не на завод».

Опытные рабочие в своих предположениях были недалеко от истины. На наших лицах отражалось всё: смятение, испуг, удивление, но не радость от встречи с действующим заводом.

Ещё на улице, прямо на ходу, «экскурсовод» поведал нам, что эта территория славного «Северного завода», находящаяся у впадения Чёрной речки в Большую Невку, является площадкой, на которой размещено вспомогательное производство. Завод на этом месте был создан очень давно. «Здесь, конечно, тесновато, но уютно, — нахваливал родное предприятие старый мастер. — Главная площадка, которая находится около железнодорожной станции, конечно, более просторная и современная. Но там из цеха в цех нужно ехать на машине, а здесь всё рядом. Оборудование в этих цехах, конечно, устаревшее, но надёжное».

Мы и сами видели, что эта территория «кузницы шита Родины» больше похожа на музей старого дореволюционного производства, знакомого нам по кинофильмам. Территория завода была тесно застроена старыми кирпичными корпусами цехов, которые давно не ремонтировались. По их обшарпанным, закопчённым стенам можно было прочитать историю многих десятилетий завода с дореволюционных времён. Проходы между цехами и оборудованием внутри них завалены различными заготовками, незавершёнными деталями, отбракованной продукцией, какими-то ржавыми бочками и ящиками.

В большом механическом цехе, куда нас привёл Палсеич, было сумрачно и очень шумно. В воздухе чувствовался сильный запах горячего металла и машинного масла. На улице стоял солнечный сентябрьский день, но свет слабо проникал сквозь запylённые и никогда не мытые большие окна. Только у станков и верстаков полумрак рассеивался светом небольших лам-

почек. В пятнах этого местного освещения мелькали лица рабочих, занятых своим повседневным делом. На наше появление никто не отреагировал.

По проходам между станками туда-сюда ходили вспомогательные рабочие. Посторонившись, мы пропустили тележку, нагруженную деталями, которую катил одетый в серую замасленную одежду молодой рабочий. Присмотревшись, мы убедились, что в такую же форму одеты все находящиеся в цеху. Даже наша столь нелюбимая школьная форма выглядела здесь празднично. Особенно нелепо в этой обстановке выглядели девочки в белых передниках. В воздухе висела пыль, а под ногами хрустела металлическая стружка.

Палсеич подвёл нас к большому токарному станку. Бережно погладив его не очень аккуратно окрашенный в зелёный цвет бок, он, обернувшись к нам, сказал: «Вот на этом „ДИП 300“ я проработал много лет, начав ещё до войны. Мы с ним старые друзья. Он и сейчас как новенький. Вы не смотрите, что он выглядит старым и несовременным. На этом станке и по сей день точат самые ответственные детали». Вот так, ведя нас от станка к станку, Палсеич рассказывал и рассказывал. О своём родном предприятии он, наверное, был способен говорить бесконечно.

Не знаю, как другим моим товарищам, но мне было интересно и разглядывать, и слушать. Все казалось новым и необычным. На наших глазах из невзрачных заготовок рождались вполне симпатичные блестящие детали. Движения рабочих были экономны, мастерски отточены и даже виртуозны.

У одного из токарных станков мастер обратил наше внимание на действия рабочего: тот, захватив щепотью из маленького ящичка, стоящего на станке, какое-то вещество — порошок белого цвета — начал посыпать вращающуюся деталь, наподобие того, как делает хозяйка на кухне, соля суп. Это было для нас и в самом деле странным и необычным. Отметив наше удивление, Палсеич пояснил: «Рабочий изготавливает ответственную деталь из специального лёгкого сплава. В этом сплаве много магния. При нагревании, в процессе обработки, магний может воспламениться, и вся деталь очень быстро сгорит, да ещё и попортит станок, так как температура горящего магния очень высокая. Так вот процесс воспламенения и горения останавливается специальным порошком. Надо только вовремя его применить».

Из школьного курса химии мы уже знали, как горит магний. Учительница Клавдия Ивановна, по прозвищу «Молекула», демонстрировала нам такой опыт. Магний горел ярким белым пламенем, разбрасывая искры. От кусочка проволоки в пробирке оставался только белый порошок. И вот теперь мы стали свидетелями конкретного применения знаний по школьному курсу химии. Так что несомненная польза от этой короткой экскурсии на завод была.

Покинув цех, мы прошли по территории к главной проходной и, поблагодарив нашего «экскурсовода», расстались с ним. Нас выпустили через калиточку, около которой стоял пожилой охранник в форме и с револьвером в поясной кобуре. Конечно же — нас опять пересчитали: все оказались на месте, никто не заблудился в лабиринте цехов, не отстал.

По дороге домой мы некоторое время шли молча, обдумывая услышанное и осмысливая увиденное. Как водится, молчание нарушили девочки и сразу загалдели, перебивая друг дружку. Суть их бурной реакции сводилась к тому, что они ни за что не будут работать на заводе, рабочие условия которого они характеризовали так: «Ад вонючий! Грязь и ужасный шум!» Главное, на что они обратили внимание, это серая и невзрачная рабочая одежда: «Это что же? Всю жизнь ходить в таком тряпье? Да ни за что на свете! Уж лучше в магазине торговать, чем до конца дней своих возиться с этими железками!»

Мальчики оказались более сдержанны в своих комментариях. Предметом их разговоров стали различные механизмы, увиденные в цехах.

Но какие бы разговоры ни велись, у каждого сформировались и своё мнение, и свои планы. Делать нечего, надо будет продолжать ходить в школу, а стало быть, и учиться рабочим профессиям. В конце концов, будущее покажет, кому это пригодится, а кому просто пойдет на пользу как эффективный стимул к продолжению учёбы. Так сказать, агитация «от противного».

В следующий четверг мы пришли в учебный центр ОПК, взяв с собой, как и полагалось, рабочие халаты и обязательные береты; девочкам полагались косынки, под которые они должны были убрать свои длинные волосы. Этого требовали правила техники безопасности при работе на металло-режущих станках. Но к станкам нас допустили ещё не скоро. Сначала поделили на группы и развели по учебным классам. Первые несколько занятий были посвящены теории. И проходили они в классах, очень похожих на школьные. Отличие состояло лишь в том, что сидели мы не за школьными, изрядно надоевшими партами, а за столами. Все стены классов были увешаны плакатами. Слушая лекции, мы вертели головами, разглядывая устройство станков и различных механизмов. На ярких цветных картинках были изображены все стадии обработки деталей. Очень доходчиво было показано, как правильно и безопасно надо работать на станках. Всё было по-взрослому. И преподаватели обращались к нам, как к взрослым, — вежливо и уважительно. Не было назидательности и менторства, свойственных большинству школьных учителей. Никто не требовал полной тишины, а наоборот, приветствовалось активное участие в учебном процессе. Вопросы можно было задавать почти сразу, как только они возникали. Полный и содержательный ответ следовал немедленно. Чувствовалось, что преподают не сухие теоретики, а люди знающие и любящие своё дело, а главное, все они были мужчины. Для обычной школы мужчина-преподаватель — большая редкость, а тут... Решения партии и правительства были не пустым звуком для руководства завода. Оно поручило в целом мужскому коллективу ОПК готовить из нас рабочую смену всерьёз и по-настоящему. Надо сказать, что это во многом удалось нашим учителям-мастерам. Прошло несколько занятий, и многим из нас стало даже интересно посещать классы и мастерские ОПК. Особенно этот интерес усилился, когда мы приступили к практическим занятиям, соприкоснулись по-настоящему с инструментом и металлом.

В самом начале практики нам преподали основы слесарного дела. Занятия вел довольно молодой мастер Васильев. Под его руководством каждый из нас (и даже девочки) изготовил из круглого куска стали настоящий слесарный молоток. Молоток по чертежу был квадратным в сечении. Нам пришлось потратить не одно занятие, чтобы превратить заготовку в окончательное изделие — блестящий гранёный молоток. Поверхности граней были с особой тщательностью доведены до зеркального блеска шлифовальной шкуркой. За эту работу всем были выставлены оценки, причём четвёрок не было — только пятёрки. Молотки нами же самими были насажены на деревянные ручки (изготовленные также своими руками) и торжественно подарены каждому (каждой) для пополнения домашнего инструмента. Надо было видеть удивленные и радостные лица родителей, держащих в руках нашу работу. Некоторые из них даже не поверили своим глазам. И только врученная каждому справка об окончании зачётной работы с оценкой помогла рассеять все сомнения.

Сказать по правде, этот молоток до сих пор служит в нашем доме верой и правдой. Вид у него уже, конечно же, не такой блестящий, как вначале. Но он мне дороже любого покупного.

Обучение проходило по плану, и, наконец, настал момент, когда нас допустили к самостоятельной работе на станках. Мне сначала доверили работать на фрезерном станке. Спустя какое-то время я уже вполне сносно мог обращаться с этим довольно сложным оборудованием. К слову сказать, изготовление того же молотка с использованием возможностей фрезеровки занимало уже не две недели, а всего два часа. И плоскости получались идеально ровные, гладкие и взаимно перпендикулярные. Вот что значит настоящий заводской инструмент и оборудование. Изредка подходивший мастер делал, если нужно, замечания и, если ему нравилась работа, то хвалил. Похвала старого опытного рабочего воспринималась совсем иначе, чем пятёрка в школьном дневнике.

Освоив фрезерный, я получил доступ к токарному станку, почти такому же, какой мы видели в первый день, только немного поменьше — ДИП 200. Мастер был очень доволен моей работой. Он лично обучал меня вытачиванию шара. Эта работа у токарей считается проверочной на степень подготовленности ученика. Я выдержал экзамен с честью. Вручая мне после контрольных обмеров мой «пробный шар», Палсеич, расплывшись в улыбке, сказал: «Ну что, Кистинтин! — он почему-то обращался ко мне только так, — я знаю, что ты собираешься после окончания школы поступать в институт. Дело это хорошее, и я одобряю. Учись. Инженеры — они

Ученик

тоже нужны. Только что стоит инженер, если он не может своими руками ничего путного сделать? Тебе моя учёба может пригодиться. Ну, мало ли как сложится твоя жизнь, у тебя всегда будет специальность, которая тебя выручит в трудное время. Покажи в любом отделе кадров любого завода этот шар, и тебя примут без колебаний».

Не пригодился мне этот шар. К стыду своему вынужден признаться, что он пропал. Скорее всего, его «заиграл» мой подросший сынишка, а жаль!

Не стал я и профессиональным рабочим. По окончании обучения я, как и все мои товарищи, получил свои первые в жизни три диплома-удостоверения о присвоении рабочих квалификаций слесаря, фрезеровщика и токаря. По всем трём специальностям мне, в отличие от других, присвоили третий квалификационный разряд. Это было очень высокой оценкой для школьника. А удостоверение государственного образца, да ещё со всеми печатями уважаемого «Северного завода», уважительно принималось на любом другом предприятии, но... я выбрал для себя другой путь, стал инженером-конструктором. Тем не менее, я помнил полученные мною трудовые премудрости и навыки, всегда мог без колебаний встать к станку и изготовить деталь, разработанную и вычерченную самостоятельно перед этим на кульмане.

Спасибо! И низкий поклон моим учителям!

Но продолжу о нашей учёбе и о заявленной в заголовке теме спирта.

Время от времени некоторым из нас поручались работы, не связанные непосредственно с программой нашей рабочей подготовки, но тоже необходимые и полезные в плане расширения нашего технического кругозора. Как это бывало, накануне откуда-то с головной площадки «Северного завода» приезжал грузовичок и привозил какие-то деревянные обитые железом ящики, окрашенные в военный зелёный цвет. Мы разгружали машину и переносили их, складывая на слесарном участке, заранее предвкушая интересную и необычную работу. В один из последующих дней мастер слесарного дела, отобрав из общего состава нескольких ребят, объявлял, что сегодня они будут выполнять спецзадание. За этим таинственным словом скрывалось изготовление наглядных пособий и стендов для учебных центров и мест подготовки лётчиков и наземного технического персонала аэродромов. Часть этих стендов и пособий уходила прямой дорогой в аудиторию и лаборатории авиационного института.

В ящиках находились упакованные для длительного хранения авиационные приборы. Они были тщательно завёрнуты в вощёную бумагу, аккуратно вложены в ячейки и снабжены сопроводительной документацией.

Следуя указаниям мастера, мы распаковывали приборы и приступали к «делу». Каждый однотипный прибор, а их в ящике было по несколько штук, мы тщательно разбирали на отдельные части и последовательно укрепляли проволочками на больших фанерных щитах до последнего винтика и шайбочки. Разбирать было не так-то просто. Авиационная техника делалась ис-

ключительно надёжно и крепко. В отдельных случаях, чтобы извлечь нужную деталь, приходилось ломать соседние или распиливать ножовкой корпус. Но поскольку приборов в ящике было много, а стенд мы делали один, это было не страшно. В результате получалось очень хорошее наглядное пособие, по которому можно было составить полное представление о том, как устроен и как работает прибор. Самое интересное состояло в том, что и мы сами становились знатоками по части авиационных приборов. Устройства оказались довольно сложными и очень для меня интересными. Через наши руки прошли почти все приборы, которыми были оснащены кабины самолётов. Теперь, видя в кино или на фотографии пилотов, сидящих за штурвалом, я мог не только назвать любое устройство, но и знал, что у него внутри и как всё это работает. Разглядывая сопроводительную документацию, я научился воспринимать сложные чертежи и, читая тексты, понимать взаимодействие элементов механизмов. Польза от этой работы была несомненная.

Я настолько проникся этим новым для себя знанием, что решил после школы поступать не куда-нибудь, а в ЛИАП — Ленинградский институт авиационного приборостроения, как он тогда назывался. Я понимал, что летчиком мне всё равно не стать по состоянию здоровья, но разрабатывать самому новые приборы для авиации и космоса очень хотелось. Так мои учителя, сами того не подозревая, вместо желаемого рабочего подготовили будущего инженера-конструктора. Ещё и ещё раз спасибо им за это!

Но и приборостроителем я не стал по совершенно тривиальной причине. Сдав четыре вступительных экзамена (а тогда их было пять) на пятёрки, я «завалил» последний — литературу. Желая, чтобы за сочинение тоже была пятёрка, хотя по проходному баллу конкурса хватило бы и четвёрки, я написал настоящее сочинение — почти научную работу — исследование творчества М. Шолохова. Здесь было всё: и «Тихий Дон», и «Поднятая целина» с их многочисленными героями и персонажами, и даже короткие рассказы. Сочинение было содержательным и «идеологически выдержанным», но... на восьми листах я ухитрился сделать шесть ошибок. На двойку вполне хватило! Никакие апелляции к приёмной комиссии со ссылками на содержательность и полноту раскрытия темы не возымели действия. Им хватило бы одной странички, списанной со шпаргалки, но без ошибок. Конкурс в тот год был — двенадцать человек на место. Очень многие молодые романтики желали внести свой посильный вклад в освоение космоса.

Один из членов комиссии сказал мне в доверительной беседе: «Ну, зачем вы расписывали все эти образы? Кому здесь это интересно? Писали бы короткими предложениями и попроще. В техническом вузе некому оценивать вашу работу, а вот считать до шести они умеют прекрасно. Если бы вы поступали на литературный факультет, то можно было побороться за оценку. Приходите на будущий год и будьте благодарнее».

Я был очень раздосадован, обижен и на следующий год поступил в ЛЭТИ. Сочинение моё было очень коротким. Это теперь, на пенсии, я

снова распоясался и пишу много. Пусть любезный читатель оценит, есть ли в этом смысл.

В результате авиационная промышленность не получила творческого конструктора приборов. Ну и поделом, зато электроника не прогадала. Я ни о чём не жалею...

Так вот — по теме. В один из дней грузовичок привёз необычные ящики продолговатой формы. На этот раз в них оказались не навигационные и штурманские приборы, а детали гидравлических приводов самолётных механизмов. Из них тоже предстояло изготовить наглядные пособия. Сложность этой задачи, как нам объяснил мастер, состояла в том, что устройства эти хранились в готовом виде и были предназначены для быстрой замены вышедших из строя в полевой обстановке. А стало быть, они уже запроважены соответствующей рабочей жидкостью. Жидкость эта крайне агрессивная и ядовитая. Она даже подкрашена в красный цвет — цвет опасности.

«Прежде чем приступать к разборке, — пояснял мастер, — необходимо сначала очень осторожно слить жидкость вот в этот сосуд, не пролив ни капли!» Мастер поставил на верстак пузатую стеклянную бутылку ёмкостью литр на три: «Для этого вот вам стеклянная химическая воронка. Отворачиваете аккуратно ключом вот эту маленькую пробочку. Наклоняете над воронкой и сливаете всю, до капли, жидкость. Если капля попала на руки, то надо сразу вытереть поражённое место ветошью. И при разборке надо так же ветошью протирать каждую деталь, чтобы удалить малейшие следы этой отравы. После окончания работ бутылку сдать мне, а самим тщательно вымыть руки с мылом. Все поняли?»

Мы поняли всё. Чего уж тут не понять. Тем более, что первый механизм на наших глазах сам мастер опорожнил в литровую стеклянную банку. Затем, со всеми предосторожностями, унёс куда-то, как он сказал, «для анализа»...

Работу мы выполнили, как сказано, и долго после этого плескались в умывальнике, приводя в порядок свои руки. Я мыл очень тщательно и, наверное, поэтому задержался с уходом. Наспех вытерев сияющие чистотой руки, бросился догонять ушедших товарищей и уже почти нагнал их около Военно-морской академии, как вдруг обнаружил, что в спешке забыл на вешалке свою любимую кепочку. Кепочки я носил с раннего детства и настолько привык к ним, что не представлял себе, как можно выйти на улицу без головного убора. Развернувшись, помчался обратно, боясь, что мастера уйдут и гардероб закроют. Уже в коридоре учебного корпуса, поняв, что не опоздал, перешёл на спокойный шаг, дошёл до раздевалки и снял с крючка свою кепочку. Направляясь к выходу, обратил внимание на полуоткрытую дверь в кабинет мастеров и преподавателей. Сквозь широкую щель я увидел картину, которая повергла меня в изумление и почти шок!

В комнате за столом сидели два наших мастера, преподаватель по ТБ (технике безопасности) Виктор Васильевич и громко беседовали. На столе были разложены бутерброды, а посередине возвышалась, отсвечивая красным цветом, знакомая бутылка. Перед каждым из собеседников стояли ста-

каны, в которых на треть тоже светилась красная «ядовитая и агрессивная жидкость». Я просто остолбенел! Мастера без всяких мер предосторожности пили эту отраву и закусывали бутербродами. Никаких признаков неизбежной при этом смерти на их лицах не наблюдалось. Более того, лица их были довольные, улыбающиеся и раскрасневшиеся. Палсеич, как обычно, курил свой «Беломор» и громким голосом рассказывал какой-то случай из своей полной интересными событиями жизни. Я понял, что я чего-то не понял. Мне ничего не оставалось, как тихонько ретироваться на улицу.

До дома я шёл в глубочайшем раздумье. На память приходил давний случай с денатуратом на барахолке. Но тогда это был всё-таки спирт и алкоголик-инвалид, а здесь хорошие, уважаемые нами люди пили тягучую красную жижу и при этом смеялись. Никаких вредных последствий на них это рискованное занятие не имело. В следующий раз, когда мы пришли на занятия, я специально внимательно вглядывался в лица мастеров, но никаких отклонений от нормы не заметил.

Спустя неделю, зайдя в кабинет мастеров за резцами, углядел за верстаком злосчастную бутылку с остатками красного зелья, заткнутую туго свёрнутой газетной пробкой. На доннышке было около полулитра, не более.

Так что не только опытные и грамотные, но и к тому же «железные» люди приложили свои таланты к моему воспитанию и образованию. Помню их всех как сейчас.

А жидкость? Что жидкость? Позднее я узнал, что это был всё тот же спирт, но с добавкой глицерина и красителя. Обычный состав в авиационной гидравлике. Не полезный для здоровья, конечно, но и не смертельный.

Вот такая школа жизни.